

TINDER

Рассказ

Саня сидит один на бетонной скамейке в парке Шари-Нау — самый центр афганской столицы Кабула. Высокие гималайские кедры с грубой иссохшей корой и пыльная растрескавшаяся земля. На других скамейках отдыхают полицейские в серой, словно бесцветной, форме с яркими шевронами своей службы; гражданские, замотавшиеся в покрывала, в плоских рыжих шапках-пакулях и дрянной рваной обуви; дети, перекрикиваясь, играют в лапту. И ни одной женщины: парк Шари-Нау женщины могут посещать только в сопровождении мужчин — нет такого официального закона, но это сложившаяся негласная традиция, которая продолжает соблюдаться, несмотря на все декреты, принимаемые властью, чтобы уравнять в правах афганских мужчин и женщин.

Парк лепится сбоку к так называемой «зеленой зоне», или, как он именуется в полицейском регламенте, «району К9» — там расположены почти все афганские министерства, управления силовых ведомств и иностранные дипломатические миссии. К9 — это лабиринт из бетонных высоких заборов, вышек с охраной и броневиками «хамви» на тротуарах и перекрестках, самый охраняемый район Кабула. Эрна, девушка-фотограф, которая приехала вместе с Саней в афганскую столицу, ушла куда-то в этот лабиринт, чтобы делать снимки прохожих, броневиков и полицейских на фоне бетонных стен. Некоторые стены разрисованы актуальными граффити: разбитые автоматными выстрелами и осколками взорвавшихся мин сердца, оплакивающие погибших детей матери и старательно везущие на простеньких тележках громадное и тяжелое слово «мир» бородатые крестьяне. У рисунков яркие, жизнеутверждающие цвета, даже для простреленных сердец художники использовали очень радостные оттенки красного — ближе к розовому. «Должны получиться эффектные снимки», — сказала Эрна, прежде чем оставила Саню в парке.

Неожиданно раздается оглушительный грохот. Саня оборачивается в сторону К9 — над районом, расплзаясь в стороны, поднимается белое облако, разлетаются темные ошметки — это взрыв. В Министерстве внутренних дел Афганистана молодых русских репортеров сразу предупредили, что К9 — самый опасный район Кабула, он чаще всего подвергается атакам боевиков антиправительственных группировок. Обычно боевики-смертники проникают туда на заминированных автомобилях. Затем взрываются. Бывает, что эти взрывы дополняются атаками смертников-стрелков. Видимо, так происходит и в этот раз: нарастает сухой треск автоматных очередей. Люди

Александр Сергеевич Рыбин родился в 1983 году в г. Кимры Калининской области. Окончил филологический факультет Тверского университета. Работает фрилансжурналистом. Первая публикация — в журнале «День и ночь» в 2008 году. Лонг-листер премии «Неформат», Бунинской премии и премии имени В. П. Астафьева (2008). В 2012 году вошел в лонг-лист премии «Дебют» с повестью «Современный кочевник». До отъезда в ЛНР жил во Владивостоке. Публиковался в различных литературных изданиях.

в парке: и гражданские, и полицейские, и дети — несколько мгновений наблюдают за облаком от взрыва, затем начинают быстрым шагом покидать парк — удаляются в сторону ближайших магазинов и ресторанов, скрываются там. Саня идет в сторону турецкого ресторана, расположенного через дорогу. Перед входом двое охранников с автоматами Калашникова, у них озабоченные лица. Они наскоро проверяют Саню, обхлупав его одежду. Внутри ресторана набилось уже десятка три человек. Чувствуется напряженная атмосфера, люди вполголоса переговариваются. Треск автоматной перестрелки становится все интенсивнее. Саня тут единственный иностранец, к нему подходит официант и предлагает подняться на второй этаж: «Там для вас будет безопаснее», — тихо поясняет официант на английском.

Проходят минуты (но кажется, что часы, дни, вечность) томительного ожидания. В какой-то момент Саня наконец догадывается, что надо позвонить подруге. Он набирает первый раз — ее номер недоступен; в руках чувствуется легкий тремор, когда он набирает во второй раз — то же самое, номер недоступен, третий раз... он уже панически набирает раз за разом. «Хотя сейчас из-за атаки могли заглушить всю мобильную связь в районе», — говорит он вслух сам себе. Это несколько успокаивает. Саня садится на стул возле окна и тупо смотрит на опустевшую от людей улицу. Пронесаются, визжа сигналами, зеленые пикапы полиции с пулеметчиками в кузовах. Спустя несколько минут в сторону К9 пронесется одна «скорая помощь», потом вторая.

Проходит еще непонятно сколько времени — по ощущениям несколько часов, но взглянув на часы, молодой русский понимает, что не более получаса — и перестрелка затихает, вдруг разом обрывается. Слышно только визг сигналов из автомобилей экстренных служб, мечущихся в центре города. Люди потихоньку начинают выходить из своих стихийных укрытий. Многие направляются в сторону К9 — в том направлении, откуда поднималось облако взрыва и хлопали выстрелы. Саня решает, что нужно вернуться в гостиницу — не лучшая идея иностранцу появляться там, где только что была атака антиправительственных боевиков — для них иностранцы в числе приоритетных целей.

В дверях гостиницы улыбкой и рукопожатием встречает вооруженный охранник. Саня поднимается по лестнице, надеясь, что вот сейчас войдет в номер и там будет она — Эрна. И она расскажет, что тоже слышала взрыв, что сразу взяла такси и поехала в гостиницу, что звонила ему, но его телефон был недоступен, расскажет, как она волновалась. В итоге они обнимутся и будут так стоять неподвижно, чувствуя, как накрывает радость, что они снова вместе, что никто из них не пострадал в этой атаке. И Саня уже не отпустит девушку никуда в этом опасном городе, в этом городе, где война идет без линии фронта. Он поднимается — ступенька за ступенькой, вот и коридор, номер 203. Он стучит в дверь. Не слышно никакого движения в номере. Стучит еще раз, он продолжает надеяться, взгляд его непроницаем, как кусок чугуна, как те бетонные стены в К9. Стучит в третий раз, ждет — никакой реакции. Достает из накладного кармана тактических брюк ключ. Замок открывается бесшумно. Внутри номера все в том же порядке, который он и Эрна оставили, когда уходили утром. Но он зовет на всякий случай: «Эрна». Проверяет ванную, балкон. Ее нигде нет. Он снова набирает ее номер. «Абонент недоступен». Он садится на пол и погружается в полное оцепенение — ни мыслей, ни надежд, ни желаний. Он просто сидит, совершенно не понимая, что сейчас может еще сделать.

* * *

ДВУМЯ ГОДАМИ РАНЕЕ. Морской пляж — мелкий золотистый песок. Раннее утро. По небу легкая рябь перистых облаков. Вдоль полосы прибоя шагает рыбак, закинув удочку на плечо. За ним наблюдают двое — парень и девушка, они сидят на песке

и курят. Они выглядят такими спокойными — как два сфинкса. Когда рыбак удаляется, девушка скидывает с себя одежду — на ней остаются лишь черные кружевные трусики — и идет купаться. Парень достает еще одну сигарету из пачки, прикуривает и откидывается на локти. Он улыбается, глядя, как его подруга вспахивает бирюзовое море брассом.

«Эрна, мне очень нравится смотреть, когда ты голая. Но, по-моему, ты совсем не понимаешь, где можно раздеваться, а где нет. У местных греков и турок очень консервативные взгляды», — говорит парень, когда девушка выходит из моря, обнимая сама себя от холода. Парень совсем не спешит подать ей полотенце — продолжает курить, откинувшись на локти. «А ты, Санечка, сначала вытер бы меня и согрел, а потом криковал», — замечает Эрна и сама подхватывает с песка розовое махровое полотенце.

Время, кажется, для этих двоих не имеет совершенно никакого значения: они просто сидят на песке и смотрят туда, где море достает до неба, они молчат. Жирная чайка деловито и неспешно разгуливает чуть в стороне от них. За чайкой остаются следы, которые смывает набегающая волна. «И как тебе Кипр? — вдруг прерывает молчание Эрна. — Нравится?» — «Скучно тут. Пару недель еще ладно: старинные крепости можно посмотреть, позагарать на пляжах, покупаться в море. А потом — что? Опять по тому же кругу? Чего-то тут не хватает... Словно весь этот Кипр помещен в холодец, застывший такой, однообразный. Здесь не хватает событий, нерва жизни я тут не чувствую». Жирная чайка взлетает и кружит над морем, затем резко снижается и, сев на воду, вылавливает добычу. «А вот мне кажется, — говорит девушка, — всего хватает. У меня есть ты, есть теплое море, эта великолепная погода, для разнообразия старинные руины в горах, денег нам хватает. Может быть, я и искала такой застывшей реальности, когда чувствуешь, что все желаемое обрела и ничего другого, ничего нового не нужно». — «Зачем тогда жить дальше?» — «Чтобы наслаждаться всем тем, что наконец-то смогла обрести». — «Тогда, значит, всегда будет все одно и то же. Рано или поздно ты от этого соскучишься. Обязательно». Девушка, улыбаясь, кладет голову к парню на ноги и одной рукой обнимает его под рубашкой.

Старенький «фольксваген», округлый, миниатюрный, но с уродливо огромными фарами, петляет между аккуратных домиков, поднимаясь в гору. Позади него, внизу, удаляется городок у моря, окружающий старинную крепость из коричневого камня. Эрна и Саня сидят за заднем сиденье, держась за руки. На шее у девушки фотоаппарат. За рулем местный то ли турок, то ли грек — он курит длинную сигарету и что-то неразборчиво напевает. Дистанция между аккуратными домиками становится больше, над тротуарами нависают апельсиновые и лимонные деревья. Саня оборачивается и смотрит на удаляющийся городок и море — на расстоянии море из бирюзового стало темно-синим.

На очередном перекрестке автомобиль останавливается. Водитель указывает в сторону и говорит: «Беллапаис. One kilometer». Девушка и молодой человек благодарят его и выходят.

«Теперь ты расскажешь, что такого интересного в этой деревне?» — спрашивает Эрна и отходит в сторону, чтобы сфотографировать дерево с яркими плодами апельсинов. «Теперь, пожалуй, можно, — Саня следует за ней. Он ждет, когда девушка сделает снимок, и продолжает: — В Беллапаисе жил один из лучших британских писателей двадцатого века — Лоренс Даррелл. Точнее, именно в Беллапаисе он стал писателем — написал замечательную книгу „Горькие лимоны“. Это была его первая хорошая книга, позже у него появились еще несколько удачных романов. Мы с тобой сейчас

попытаемся найти дом, где он писал „Горькие лимоны“... Так вот. Даррелл работал дипломатом — в Греции, потом в Югославии. Но из-за работы не мог посвятить себя в полной мере писательству. Наконец в 1952-м он решился — перестал работать и уехал в глухомань приятной британской колонии — на Кипр...» — «Кипр тогда был британским?» — «Да, слушай. Сейчас расскажу все по порядку. — Эрн обнимает молодого человека и прижимается щекой к его плечу, они продолжают шагать. — В общем, Даррелл умотал сюда, чтобы полностью посвятить себя писательству — денег он к тому времени накопил достаточно, поэтому мог себе позволить. Тут он знакомится со всей этой густо замешанной на вине, лукавости, сельской сонливости и грандиозном античном прошлом жизнью. Турки, греки, мечети, церкви, зимой в горах снег, а возле моря жарит солнце, редкие автомобили, ишаки, запряженные в скрипучие повозки, фруктовые сады, солнце... Он пропитался насквозь местным колоритом и вдохновенно смог его описать. Он ходил в таверны с местными и слушал их завиральные истории. Одного местного мошенника попросил помочь купить дом в Беллапаисе. Даррелл сказал ему что-то вроде: „Мне вас рекомендовали как самого известного мошенника на Кипре. Докажите“. В общем, поэтому у Даррелла появился тут дом».

Они уже шагают по деревне — тесно, стена к стене сдвинуты двухэтажные белевые дома, дорога выложена булыжниками, над каменными глухими заборами, отгораживающими внутренние дворики, возвышаются лимонные и апельсиновые деревья. Эрн регулирует объектив и нацеливает фотоаппарат на кадки с розовыми и белыми цветами, стоящие в открытых окнах на втором этаже одного из домов. «Мило, мило, очень мило, — говорит Эрн, фотографируя уже кошку, лежащую на каменной стене, свесив одну лапу и хвост, — Наверное, здесь можно написать очень приятную и спокойную книгу. А ты говорил, что Кипр — застывший, как холодец, что тут скучно». — «Во времена Даррелла Кипр был другой. Более сельский, более колоритный, к тому же местные турки и греки боролись против британских властей — это добавляло энергии и оттенков в местную реальность. А сейчас Кипр — рай для богатых иностранцев, один из главных международных офшоров, весь колорит стерт крупными иностранными компаниями, которые развивают тут свой бизнес. У этого остова больше нет своего собственного лица, он стал просто кусочком глобальной экономики», — объясняет молодой человек. Девушка улыбается и говорит: «Ой, ладно. Ты стал слишком серьезен. Расскажи лучше про этого Даррелла еще». — «Нам надо найти дом, где он писал. Интересно увидеть обстановку, в которой он писал: как стоял стол, стулья, расположение окон, картины на стенах...» Они выходят к ресторану, напротив которого руины из серого камня. «Смотри, что это?» — спрашивает Эрн. Среди руин выделяются отлично сохранившиеся стрельчатые высокие арки. На одной из стен во внутреннем дворике сохранилась фреска — парящий голоногий человек, облаченный то ли в военный панцирь, то ли в длинную рубаху. Девушка нацеливает фотоаппарат на фреску. «Наверное, это аббатство, — предполагает Саня. — Даррелл его описывал. Его построили крестоносцы. Сюда они привозили христианские святыни, собранные в Иерусалиме. Интересно, что аббатство в итоге разгромили не мусульмане, а христиане-итальянцы. Ладно, надо спросить кого-нибудь, дом Даррелла где-то совсем рядом должен располагаться». Пока девушка продолжает делать снимки, Саня заходит в ресторан и спрашивает у официанта, мешая английские слова с турецкими, где дом британского писателя. Официант выходит наружу и показывает, что надо идти вверх по узкой улочке, и добавляет: «One hundred meters».

Улочка ведет по очень крутому склону. Дорога состоит из бетонных плит, в которых сделаны продольные выщербины, чтобы проще было подниматься. «Durrell's house nereде?» — спрашивает Саня прохожего на англо-турецкой смеси. Тот указывает

на простенький кубический дом, вмурованный в склон так, что с одной стороны у него три этажа, а с другой — два. Ставни на окнах дома закрыты. Над входной дверью — она тоже закрыта — неясный, полустертый герб с подписью «Bitter Lemons». Молодой человек на всякий случай пробует открыть дверь — нет, закрыта наглухо. Стучит. Мужчина в воротах соседнего дома негромко говорит по-английски: «Закрыто. Семьи сейчас тут нет. Они пускают туристов, когда приезжают сюда летом. Но сейчас их тут нет, и неизвестно, когда приедут». Девушка спрашивает его: «А вы сосед?» — «Да». — «И вы помните писателя, который тут жил?» — «Лоренса Даррелла? Конечно. Он заходил в наш дом частенько, выпивал с моим отцом. Хороший и умный человек. Дом сейчас принадлежит его семье. Но они приезжают только летом. Год назад их дом сильно затопило. Они просили местные власти о помощи в реставрации, но чиновники сказали, что у них денег нет. Даже не знаю, в каком состоянии внутренние помещения. Вон смотрите, даже на внешних стенах следы потечек после затопления. Внутри, наверное, еще хуже».

Саня и Эрна идут пешком по дороге, спускаются из Беллапаиса в сторону городка у моря. «Замечательная прогулка получилась. Мне очень понравилось. Спасибо, Санечка», — и девушка целует молодого человека в щеку. «Дом у Даррелла внешне совершенно безликий. Даже не верится, что в таком доме можно было написать такую сочную прозу — „Горькие лимоны“», — размышляет вслух Саня. «Ты же не знаешь, как там все внутри. Может, внутри чудесная обстановка, очень творческая. А может, он вообще писал в таверне, когда сидел с местными и выслушивал их истории», — говорит девушка.

Ресторан с высокими потолками и деревянной старой мебелью. На улице уже темно. В окнах видны тени прохожих и автомобилей. Посетителей немного, тихо играет приятная спокойная музыка. За одним из столиков Саня и Эрна — сидят напротив друг друга. «Какой же у нас сегодня праздник?» — спрашивает молодой человек. «Ровно пять месяцев, как мы познакомились». — «Какая ты молодец, помнишь, считаешь». Он поднимает бокал с красным вином, приглашая девушку чокнуться. Отпив вина, Саня говорит: «Скажи — только давай честно, — у тебя кто-то был, когда ты начала встречаться со мной?» — «Ну, — Эрна выдерживает паузу и смотрит неопределенно мимо молодого человека. Затем переводит взгляд на него, — один был, но наши отношения уже сами собой разваливались. Я с ним через Tinder познакомилась. С самого начала было понятно — думаю, и ему тоже, — что люди, познакомившиеся через Tinder, вместе долго не будут. Когда появился ты, я поняла, что надо окончательно рвать с ним. И все». — «И все?» — «Да, а что? Больше никого не было. Теперь у меня есть ты, и мне никто другой не нужен». Они снова чокаются и отпивают вино. Девушка берет молодого человека за руку и смотрит ему в глаза, взгляд ее одновременно просящий и самоуверенный.

Они стоят перед табличкой, на которой по-английски и по-гречески написано «Скала Афродиты». За табличкой спуск к песчаному пляжу, в который из моря выпирает высокая скала причудливых форм. Пляж совершенно пуст. Волны нахлестывают на скалу, высоко разлетаются брызги. «Давай голышом тут», — предлагает Эрна. Они спускаются на пляж и раздеваются. Саня снимает свои высокие тактические ботинки рыжего оттенка и, аккуратно сложив, кладет на них брюки, футболку и остальную одежду. Эрна просто скидывает свою одежду в кучу, будто что-то надоевшее и лишнее. «Бежим!» Они с криками забегают в море и плывут. Время от времени они исчезают

ненадолго под водой, держась друг за друга. «Теперь я одна нырну», — говорит девушка и скрывается в воде. Когда она выныривает, Саня говорит ей: «Сейчас у тебя очень хорошо получилось». — «Вода очень соленая. В пресной получилось бы получше», — девушка отплывает. Они плывут дальше — к скале.

На берегу появляется еще один человек. Судя по длинным развевающимся волосам, Саня и Эрна догадываются, что это девушка. Она тоже полностью раздевается и заходит в море. Плышет по направлению к двоим русским. Проплывает мимо них буквально в паре метров и улыбается, пристально глядя на Саню и Эрну по очереди.

Вскоре после того, как они выходят на берег и ложатся на песок, чтобы загорать, неизвестная девушка тоже выходит и ложится недалеко от них. Незнакомка периодически настойчиво оглядывается на русскую парочку. Но русские делают вид, что не замечают ее взглядов. «Кажется, она очень хочет к нам присоединиться», — говорит Эрна, чтобы слышал только Саня. «Похоже на то. Хочет стать нашей Афродитой», — говорит тот.

«...Да, понятно. Хорошо», — Саня разговаривает по телефону. Комната в дешевом хостеле: двупальная кровать, тумбочка, шкаф для одежды, встроенный в стену, тесное пространство и единственное окно. На кровати лежит обнаженная Эрна, одеяло скинуто на пол, она читает книгу в мягкой потертой обложке. На улице темно, в комнате тускло горит свет.

Саня выключает телефон и кладет его на тумбочку рядом с кроватью. Закрывает глаза и трет переносицу.

«Что говорят?» — спрашивает девушка, положив книгу себе на живот и зажав указательным пальцем страницу, которую читала. «В общем, редакция Эр-эр предлагает написать репортаж об освобождении Мосула. Там уже пять месяцев правительственная армия при поддержке США выбивает террористов из города. Фотограф тоже нужен. Я сказал, что у меня есть хороший фотограф», — он серьезно смотрит на Эрну. «Я готова», — говорит девушка. «Там опасно», — говорит Саня. Девушка тянется к нему: «Ты же бывал уже много раз в подобных местах. Я уверена, что ты сделаешь так, чтобы со мной ничего плохого не случилось».

Вилла на западной окраине Мосула, превратившаяся в стихийный пресс-центр. В гостинной комнате на первом этаже беспорядок: на столах и полу разложена видео- и фототехника, бронежилеты и каски с наклейками PRESS. Журналисты с ноутбуками сидят на матрасах, разложенных на полу: стульев и столов нет. Дверь в гостиную выломана.

На крытой террасе во дворе виллы иракские полицейские, которые охраняют пресс-центр, курят кальян. Моросит дождь — колотит в жестяной навес. Полицейские спокойны, неспешно перекидываются фразами на арабском с вкраплениями английских слов, лишь у одного на коленях оружие — хорватский штурмовой автомат HVS. Перед открытыми воротами во двор виллы броневик «хамви» и два японских внедорожника с эмблемами федеральной полиции Ирака на боковых передних дверях. Время от времени неподалеку раздаются выстрелы крупнокалиберного миномета.

Эрна на своем ноутбуке просматривает получившиеся за день фотографии. Беженцы, выходящие из города — плачущие женщины в черных традиционных мусульманских нарядях, истерично кричащие мужчины в запачканных спортивных костюмах, — несут маленьких детей на руках; иракские военные грузят тела погибших в открытый кузов пикапа; сожженные автомобили на разрушенных улицах; вертолет Ми-24 выпускает ракеты по району города, где засели боевики. Саня тем временем быстро набирает текст, сильно бьет по клавишам портативного компьютера.

Утро следующего дня: солнечно, от земли поднимаются испарения. Иракский полковник полиции, который заведует выездом иностранных журналистов на передовую, командует: «По машинам». Журналисты влезают в бронежилеты, застегивают под подбородками ремни касок, нагружаются аппаратурой и рассаживаются по двум внедорожникам. Не всем хватает места в кабинах. Саня и Эрн с журналистами из Чехии и Италии усаживаются в кузов. Первым выдвигается «хамви», в котором находится полковник.

Дорога к Мосулу разбита тяжелой техникой и попаданиями авиабомб и снарядов. По раскисшим после дождя обочинам идут со скудными пожитками беженцы — в основном женщины и дети. Сухощавый старик в обтрепанном костюме-тройке тянет за собой грубо сколоченную телегу, нагруженную разными тряпками и большими деревянными настенными часами. Небо гудит от авиации, направляющейся отрабатывать цели в городе. Конвой журналистов обгоняет колонну танков «абрамс» иракской армии. Выглядывающие из башен молодые солдаты радостно машут иностранцам в кузовах пикапов. Над приближающимся городом поднимаются черные ленты дыма.

Дорога идет через аэропорт Мосула, где неделю назад были ожесточенные бои. Комплекс терминала и диспетчерская вышка изрядно пострадали от обстрелов — зияют громадные проломы в стенах, разбиты углы крыш, следы от копоти. Повалены все до одного бетонные ограждения, которые боевики использовали как прикрития для своих снайперов. Через взлетно-посадочную полосу двое пастухов гонят стадо овец. Они, как и танкисты, радостно машут иностранцам.

Наконец конвой въезжает в город. На перекрестках бронетехника и солдаты. Бульдозеры делают баррикады из сожженных автомобилей на улицах, через которые могут приблизиться заминированные машины, управляемые боевиками-смертниками. Разрушенных домов не так уж и много. Но те, что разрушены, ясно, уже восстановлению не подлежат — там, очевидно, были выявленные позиции боевиков, и по ним наносились массированные удары авиации и артиллерии. За пару кварталов до передовой внедорожники журналистов останавливаются. Из передового «хамви» выходит полковник с рацией — он переговаривается, уточняет обстановку. Ожидание длится не более получаса. Через пролом в стене одного из домов появляется солдат. Полковник объясняет, что на передовую нужно будет двигаться за ним. «Никуда в сторону не отходить, можете наткнуться на мины. В общем, соблюдаем обычные меры безопасности», — дежурно говорит полковник.

На передовую журналисты идут через проломы в стенах домов и заборов, которые были сделаны террористами, чтобы перемещаться скрытно от авиации и беспилотников разведки правительственных сил. Все громче стрельба и разрывы с передовой. В пустующих домах чужая, недавно заброшенная жизнь — где-то даже еда на столах и продолжающие работать телевизоры.

Выходят к саду с несколькими пальмами и кустами розовых цветов. «Следующий дом — передовая. К нему двигаемся по очереди перебежками». Первым перебегает солдат-проводник, затем журналисты один за другим: когда один журналист добегают до нужного дома, тогда выбегает следующий.

Внутри передового дома десятки солдат и офицеров. Офицеры курят в гостиной на первом этаже и пьют чай, рассевшись на диванах. На втором отдыхают солдаты: оружие аккуратно разложено вдоль стен, сами солдаты сидят или лежат на матрасах. Выше лестница ведет на крышу. За бетонными бортиками, ограждающими края крыши, залегли стрелки и снайперы. Снайперы ведут огонь через узкие проломы. Солдаты стреляют очередями, ненадолго высываясь из-за бортиков. Грохот стрельбы и гудение заходящих для атаки самолетов. Эрн стремглав перебегает к одному из снайперов. Тот улыбается ей и показывает поднятый вверх большой палец. Девушка достает

из черного тактического рюкзака фотоаппарат. Снайпер сдвигается от пролома в бортике и показывает ей, где, вероятно, располагаются позиции противника. Между домом, где находятся военные и журналисты, и следующей линией домов широкий проспект. Проспект ведет к мосту через Тигр. Мост переломан взрывом в самом центре — перекрытия сложились в реку. На другой стороне реки над полосой деревьев возвышаются минарет и колесо обозрения.

Вдруг нарастает свист приближающегося со стороны противника минометного заряда. Все — и солдаты, и снайперы — сразу перестают стрелять и прислушиваются. Тягостные мгновения ожидания. Крыша — совершенно открытое пространство. Если мина упадет сюда, то погибнут и получат ранения наверняка все: ведь осколки будут не просто разлетаться, они будут ricochetить от бортиков ограждения — очень неудачное место, чтобы прятаться от минометного обстрела. Но свист проходит мимо, разрыв происходит недалеко в тылу. Стрельбы возобновляется. Сделав несколько снимков поднимающегося над кварталами, которые контролируют боевики, черного дыма и стреляющих солдат, Эрна перебегает к спуску на второй этаж. «Как успехи?» — спрашивает ее Саня. «Ерунда. Ничего толком не видно, только дым. Но солдаты на позиции, возможно, хорошо получились», — отвечает она.

По очереди на крышу выбираются то телеоператоры, то фотографы — каждому нужны свои кадры происходящего боя. Саня вместе с чешским репортером выходит на улицу с безопасной стороны дома. Они закуривают. Эрна остается на втором этаже, чтобы фотографировать отдыхающих солдат. Те паясничают, позируя для нее. Один из солдат, включив быструю арабскую музыку на своем телефоне, танцует традиционный танец, энергично размахивая руками.

Через пару часов стрельба начинает затихать — приближается время обеда. Из тыла приходят солдаты с пакетами еды. С крыши спускаются все военные, не остается даже дозорного. Соблюдая субординацию, солдаты обедают на «своем» втором этаже, офицеры — на первом. Журналистов приглашают к офицерам. На широких металлических подносах плов и маринованные перчики, бутылки колы, лепешки и финики. Офицеры перешучиваются с арабскими журналистами; европейцев и американцев расспрашивают через переводчиков, как им нравится в Ираке. Особое внимание к Эрне — как к единственной девушке. «Наверное, до войны тут было очень круто», — отвечает она, чтобы хоть что-то ответить.

Ночь. Эрна и Саня сидят на пластиковых стульях и пьют кофе на террасе виллы, где расположился пресс-центр. Они молча наблюдают за вспышками от разрывов в Мосуле — ярко-красные и белые всполохи в темноте. «Давно хотела спросить, но не решалась или забывала, что ли. Почему ты начал писать? То есть вообще, почему тебе стало интересно передавать свои ощущения от жизни в написанных словах?» — спросила Эрна. «Первые отношения с девушкой — поэтому. Мне казалось, что это так важно, что это обязательно нужно запечатлеть каким-то образом. Рисовать я не умел, фотографировать тоже, снимать фильмы... поэтому я стал писать про наши отношения». — «Ты мне ни разу не рассказывал про свою первую...» — «Ну, она была довольно умна. Но при этом хорошо сложена: вроде античных греческих скульптур. Типичный образец древнегреческой телесной женской красоты. Но с монголоидным лицом: ее отец из сибирских татар, сыбыртатарлар...» — «А я, как я сложена? — перебивает Эрна, в ее голосе слышатся нотки ревности, — какой я типичный образец?» — «Ты заревновала?» — «Перестань. Нет, конечно... ответь лучше». — «Заревновала, — Саня самодовольно ухмыляется и гладит девушку выше колена. — Это же было давно, больше десяти лет назад. Все уже прошло давно, просто остались яркие картинки в памяти».

Двухспальная кровать, в комнате выключен свет, и с улицы доносится бит электронной музыки. Время от времени звуки музыки перекрывает шум от проезжающих автомобилей. «Оман? Почему именно Оман?» — спрашивает Эрн. «Вроде бы очень интересная страна. Но довольно дорогая. Сейчас с мосульским гонораром нам по средствам там покататься. Надо попробовать», — объясняет Саня. Они лежат под одеялом, обнявшись и глядя в глаза друг другу. «Обними меня сзади. Прижмись крепко, я так обожаю это. По-моему, это лучшее, что я испытывала в жизни», — говорит Эрн и поворачивается к нему спиной.

За окном автомобиля каменно-песчаная, серо-желтая пустыня наконец-то постепенно сменяется холмами, заросшими низкими и изогнутыми ладанными деревьями. Саня оглядывается на спидометр — стрелка застыла на 140 километрах в час. Но скорости совершенно не чувствуется, трасса идеально ровная.

Компактная осыпающаяся крепость на окраине городка. Саня и Эрн направляются к ней, за спинами у них большие туристические рюкзаки. «Как, ты сказал, называется этот городок?» — «Блин, я сам уже забыл». Крепость имеет асимметричные формы, непропорционально громоздкие угловатые и круглые башни возвышаются над глиняной стеной. «Тебе жарко?» — «Нет, я просто очень хочу пить».

За крепостной стеной гораздо прохладнее. Резные двери на входах в основные помещения и узкие лестницы на верхние этажи. Стены шелушатся, как аллергики, — под ними выступают растрескавшиеся от жары бревна перекрытий. «Около четырехсот лет ей. В путеводителе пишут, значит, что оманцы, жившие на берегу Индийского океана, построили сеть из подобных крепостей, чтобы защищать свои поселения от набегов кочевников-бедуинов».

Слышно, как внутри стен и полов бегают и пищат мыши. По темным углам помещений кучки мышиного помета. В верхних комнатах гнезда голубей — птицы, лопоча крыльями, удирают через проломы в стенах при появлении людей. «Тут могут быть змеи и скорпионы — поосторожнее, смотри под ноги».

На одной из резных дверей сохранилась краска: изображение мечети в окружении пальм — по-африкански очень яркие оттенки. Эрн достает фотоаппарат из рюкзака и указывает Сане, чтобы он встал возле этой двери и изобразил исследователя: водил пальцами по извилинам изображения с задумчивым лицом. «Мда, твои простенькие спортивные шорты и растянутая футболка с логотипом чэвэкашников 5.11 как-то не очень клеятся с образом исследователя», — критически замечает она, оценивая получившиеся снимки.

Сняв свои рюкзаки, они садятся на них и откидываются на стену. По очереди пьют воду из пластиковой мятой бутылки. «Симпатичное место, по-моему. Тут можно было бы остаться навсегда — жить призраками этой крепости. Путешествовать по узорам на дверях, охотиться на мышей, гонять голубей и пугать толстых заезжих туристов с одышкой». — «О, нет! Только не среди этих осыпающихся стен. Нет, давай лучше тогда крабами будем на каком-нибудь пляже... Кстати, как называется этот пляж, куда мы должны добраться к вечеру?» — «Аль-Фасайя». — «Это что-то значит в переводе с арабского?» — «Понятия не имею».

К пляжу они спускаются на внедорожнике с местным пастухом верблюдов. У пастуха по-африкански черная кожа, а черты лица — эфиопские или сомалийские, но точно не арабские. С гор к берегу Индийского океана ведет крутой серпантин дороги, по обочинам которой ладанные деревья. Между ветвей этих деревьев обильные сети паутины. Окружающие горы растут все выше, по мере того, как внедорожник спуска-

ется все ближе к берегу. Водитель указывает на верблюдов, гуляющих среди высокой травы на одной из горных полок, и поясняет по-арабски, что это его стадо.

Внедорожник огибает гигантский валун и выезжает на пляж. Перед пляжем выброшенный на мель сухогруз. Только сейчас Саня и Эрна заметили его — сверху его было совершенно не видно из-за складок гор. Сухогруз завалился набок, по палубе деловито разгуливают жирные чайки. Но ни одного члена экипажа. На пляже тоже ни единого человека.

Пастух говорит, что ему надо поскорее к своему стаду. Молодой человек и девушка благодарят его, ждут, когда автомобиль скроется за валуном, и наперегонки раздеваются. «Поплывем к кораблю?» — «Конечно! Еще спрашиваешь!»

Когда они выходят из воды на берег, то видят, что по их разбросанным вещам по-хозяйски рыскают крабы. Саня гоняется за ними и пытается поймать, накрыв футболкой. На песке за ним остаются глубоко вдавленные следы. Эрна вытирает руки о свою футболку и достает из рюкзака фотоаппарат: «Санечка! Брось их. Я хочу, чтобы ты меня сфотографировал. Сейчас хороший свет». Девушка отдает молодому человеку фотоаппарат и указывает, откуда он должен снимать. Она грациозно шагает к набегавшему на белесый песок океану, подняв прямые руки вверх. Саня делает несколько снимков. Девушка возвращается к молодому человеку и просматривает, что получилось. «Вот это очень удачно», — говорит Эрна: изображение в профиль в мягком свете заката отчетливо передает прелесть изгибов красивого женского тела.

Двухспальная кровать, тесное пространство комнаты без окон, выложенные кафельной плиткой стены и пол, на полу брошены запыленные рюкзаки. Крошечный душ, из которого вода разлетается наполовину комнаты, — в душе Эрна. Саня, полулежа на кровати, что-то пишет в телефоне. Он кричит, чтобы быть громче звука льющейся воды: «Предложили Афганистан! Там выборы в октябре... я, правда, не понял, кого выбирают, но кого-то очень важного!» Эрна кричит в ответ: «Класс! Когда вылетаем?»

* * *

Заканчивается день, солнца уже не видно за высотными зданиями. На улицах Кабула снова привычная возня афганской столицы, шок очередного нападения прошел — сквозь узкие кишки основных магистралей проталкиваются пачки автомобилей, прохожие спешно идут куда-то, торговцы овощами и фруктами с надрывом зазывают покупателей, в закатном свете отчетливее видна пелена коричневого смога над городом. У Сани звонит телефон, на экране отображается, чей номер — «Посольство России в Кабуле». К горлу подступает неприятный ком, Саня сглатывает и нажимает кнопку «ответить». «Здравствуйте. Александр? Вас из посольства беспокоят...» — «Да, я понял». — «Ваша коллега, Эрна...» — «Да, что с ней?» — «Ее доставили в больницу, она в очень тяжелом состоянии. Она была ранена сегодня во время нападения в „зеленой зоне“. Вы сможете к ней приехать?»

Когда он едет на такси в больницу, ему снова звонят из посольства: «Ваша коллега Эрна скончалась, не приходя с сознание. Мои соболезнования», — голос человека из посольства дежурно-грустный и очень ровный.

Тьма окончательно сжирает прошедший день — Кабул расцветивается мириадами ярких и тусклых огней. На окраинах среди узких переулков с глинобитными домиками тархтят электрогенераторы, ни одного уличного фонаря, но из-за глухих стен, за-

крывающих дворы домов, поднимаются столбы света. Редкие прохожие подсвечивают себе путь фонариками мобильных телефонов. Обе горы, между которыми зажата афганская столица, словно гирляндами, оплетены огоньками частных домов. В центре — на высотных деловых и торговых зданиях разноцветная светоиллюминация: переливается, мигает, вспыхивает на несколько секунд и медленно затухает. Прохожих в центре почти нет. Автомобилей стало гораздо меньше. На перекрестках появились дополнительные броневики «хамви», и вооруженные полицейские чаще останавливают автомобили для досмотра: откройте багажник, покажите, кто у вас в салоне, а теперь покажите права. Из международного аэропорта на северной окраине города взлетают гражданские рейсы. Самолеты разворачиваются над городом. С высоты ночной Кабул похож на огромную — в три миллиона жителей — россыпь жемчуга и самоцветов — ярко-белые точки огоньков по окраинам обволакивают красноватые и изумрудные пятна света в центре города. Очередной гражданский самолет удаляется на север — во тьму ночи и горных цепей Гиндукуша.

Саня нашел себе новую подругу уже через пару месяцев после гибели Эрны — новая подруга работала фотографом в Чехии и была на десять лет младше. Он познакомился с ней через *Tinder*. Впрочем, Эрна на его месте поступила бы точно так же.